

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 130.2:172
DOI 10.20339/AM.07-21.085

Н.В. Михайлова,
канд. ист. наук, доц. кафедры истории, археологии и краеведения
Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
e-mail: cnadezhda@yahoo.com

ЭКСКЛЮЗИЯ ЧУЖОГО VS ИНКЛЮЗИЯ ДРУГОГО

Исследуются некоторые теоретические основания стратегий инклюзии и эксклюзии. С помощью исследовательских ракурсов и понятийного инструментария культурологии и социокультурной антропологии, а также аксиологического и культурно-семиотического научно-методологических подходов представлен анализ этих оснований в контексте связи с восприятием индивидов и групп как Других или Чужих. Рассматриваются три аспекта данной проблематики: формирование разных типов отношения к Чужому/Другому в историческом ракурсе и особенности их представленности в современном постиндустриальном обществе и постмодернистской культуре; аксиологические основания формирования отчуждения как обесценивания и проблема его преодоления; актуальность социокультурной адаптации к присутствию Других для «большинства». Автор приходит к выводу о различиях Чужого и Другого с позиций перспективы социальной интеграции, о продуктивности аналитического разведения Чужого и Другого для более глубокого понимания сущности и механизмов действия эксклюзии и инклюзии. Инклюзивность определяется как фактор адаптации и показатель адаптированности обществ к полисемиотическому характеру современной (мета)культуры, наполненной культурами Других. Эксклюзия – как защитный механизм, воплощающийся в обесценивании и вытеснении Другого и превращении его в Чужого.

Ключевые слова: Чужой, Другой, инклюзия, эксклюзия, культурно-семиотический подход, аксиологический подход, обесценивание, адаптация.

ALIEN'S EXCLUSION VS OTHER'S INCLUSION

N.V. Mihailova is Cand. Sci. (History), Ass. Prof. of the Chair "History, Archeology and Local History" at Vladimir State University n.a. Alexander and Nikolay Stoletovs

Researched are some theoretical foundations of inclusive and exclusive strategies. The study is based on culturological and anthropological (sociocultural anthropology) research tools and views as well as on axiological and cultural-semiotic approaches. It is shown that inclusive / exclusive strategies are connected with perception of groups and individuals as Alien / Other. Three aspects of the issue are investigated: forming of different types of attitude towards Alien / Other in history retrospective and specificities of their existence in postmodern post-industrial society and culture; axiological base of forming of alienation as depreciation and the problem of overcoming it; actuality of sociocultural adaptation of "majorities" to Others' presence. The author concludes that the "Alien" and "Other" division is productive for deeper understanding of what exclusion and inclusion are and how they work. Inclusiveness is shown as a factor of adaptation and a criteria of societies' adaptability to polysemiotic feature of postmodern (meta)culture, filled with Others' cultures. Exclusion is shown as the protective mechanism, embodied in Other's depreciation, displacement and turning Other into Alien.

Key words: Alien, Other, inclusion, exclusion, cultural-semiotic approach, axiological approach, depreciation, adaptation.

Эволюция образа Чужого

Инклюзия и эксклюзия — одна из центральных тем в современных социальных науках и одна из центральных проблем общественной, в том числе образовательной,

практики. Социология, педагогика и психология — науки, которые внесли наиболее существенный вклад в разработку данной проблемы на текущий период времени. Нам видится важным углубление научного анализа данных явлений и в рамках других дисциплин. Значитель-

ным потенциалом в этой связи обладают культурология и культурная/социальная антропология.

С позиций культурологического анализа продуктивной видится интерпретация стратегий инклюзии/эксклюзии как стратегий взаимодействия с Чужим/Другим. Здесь мы говорим о типе исследования, которое, беря истоки в сфере теоретического знания, может и должно быть продолжено в сфере прикладного знания (к сожалению, нередко между этими сферами наблюдается разрыв, в результате которого прикладной анализ замещается прикладной деятельностью, никак не связанной с теоретическим знанием, не имеющей соответствующего фундамента).

Данная статья является своего рода камнем в теоретическом фундаменте прикладных разработок инклюзивных стратегий. В своих аналитических построениях мы опираемся на достижения культурологии и культурной/социальной антропологии, применяем аксиологический и культурно-семиотический научно-методологические подходы.

В рамках статьи мы затронем три аспекта инклюзивной/эксклюзивной проблематики, которые могут быть интерпретированы с позиций вышеуказанных дисциплин и подходов.

Во-первых, перспективу переосмысления (не)принимающей стороной (исключаемого) Чужого как (включаемого) Другого. Во-вторых, связь процессов инклюзии/эксклюзии с процессами и процедурами ценностного характера. В-третьих, актуальность процессов адаптации для так называемого культурного большинства. Второй и третий аспекты также рассматриваются на фоне концепции «Свои – Другие – Чужие».

При анализе первого из заявленных аспектов мы считаем необходимым определить отличия образа Другого от образа Чужого и соотнести характеристики Другого и Чужого с выбором эксклюзивной либо инклюзивной стратегии взаимодействия. Но прежде обратимся к более обобщенной, двоичной структуре восприятия межкультурного взаимодействия «Свои – Чужие», которая чаще фигурирует в исследованиях. Именно в рамках такого рода исследований анализируется образ Чужого/Другого в его сущностных особенностях и конкретно-исторических характеристиках.

Так, культуролог М.А. Полетаева, рисуя картину развития представлений о Чужом, выделяет три его типа: «чужой-инфернальный (имеющий адское происхождение), чужой-экзистенциальный (по жизни) и чужой-номинальный (по имени, по семиозису)» [4]. Исследовательница, таким образом, отмечает, что образ чужого претерпевает с ходом исторического времени своего рода процесс демистификации.

В связи с этим имеет смысл задуматься над вопросом: если отношение к Чужому становится все менее мистическим, все более представляет собой отношение к номинально Чужому, Чужому по семиозису, как меняются основания инклюзии/эксклюзии Чужого? Получается ли, что для постиндустриальной эпохи (с которой М.А. Полетаева связывает третий тип Чужого) характерно преобладание такого типа эксклюзии, которую можно назвать семиотической (т.е. эксклюзии на основе языка, этикета, ритуалов, костюма и др.)? И если так, то как это работает не для «инокультурных», а для «своих» исключаемых групп, «своих» Чужих? Или во втором случае у барьеров, разделяющих исключаемых и исключаемых, другие основания? Представляется, что и в данном случае можно вести речь о семиотических основаниях эксклюзии – особенности тел как знаковых систем в ситуации с инвалидами, отсутствие дома как привычного семиотического ядра жизни и повседневности у лиц без определенного места жительства, отсутствие семиотических маркеров благополучия у лиц, живущих за чертой бедности.

В то же время, на наш взгляд, речь идет, как и в случае с историческим развитием социокультурной и ментальной сфер в целом, не столько о смене одного типа другим, сколько о появлении новых типов. Иными словами, об усложнении системы мировосприятия, расширении спектра форм, типов Чужих. И, возможно, мы можем говорить не столько о разных типах, сколько о разных сторонах одного типа / образа.

Чужой (по крайней мере, культурный Чужой) с эссенциалистских позиций всегда и первое (чужой по происхождению), и второе (чужой по своей сущности), и третье (чужой по форме), восприятие же его бывает генетически ориентировано, экзистенциально ориентировано, семиотически ориентировано (в зависимости от воспринимающего). Но если в рамках традиционного типа сознания семиотический барьер, как правило, плотно переплетается с двумя другими и представляет собой их проявление (что отчасти вполне объективно, например, в случае с языком Чужого), то в рамках современного типа сознания он как бы обособляется и становится условно независимым, автономизируется. Он становится собственно культурным, что является своего рода проявлением культуроцентризма современности.

Троичная модель «Свой – Чужой – Другой»

Теперь попытаемся в контексте нашей цели развести «Чужого» и «Другого». Мы придерживаемся позиции, что троичная модель «Свой – Чужой – Другой» в целом

ряде случаев гораздо более продуктивна как основа для анализа межгруппового взаимодействия, нежели чем бинарная модель «Свой – Чужой» / «Свой – Другой».

Интересный опыт применения данной троичной модели в целях культурно-исторического анализа содержится, в частности, в исследованиях культуролога М.Л. Дубоссарской [2], посвященных межкультурным взаимодействиям на территории Южной Америки. Образ индейца-Чужого автор сопрягает с таким определением, как антагонист, а образ индейца-Другого с вызываемым им любопытством, вниманием. Индеец-Чужой – противник, индеец-Другой – объект (и даже субъект) аккультурации.

При совмещении троичной модели «Свой – Чужой – Другой» с тремя типами Чужого, а точнее, представлениями о Чужом, М.А. Полетаевой нам видится следующая картина. Квинтэссенцией Чужого является первый тип («чужой-инфернальный»). Он синкретически чужой, чужой по всем параметрам, во всей глубине, включая семиотическую инаковость: ведь он, по сути, предстает как другая форма жизни. Это, действительно, Чужой-Другой. Предельная и всесторонняя инаковость Чужого (Alien), нередко граничащая с инфернальностью и внушающая чувство страха, опасности, наглядно отражена в массовой культуре.

По мере смещения центра восприятия от первого типа ко второму («чужой-экзистенциальный») и особенно к третьему («чужой-номинальный») «чужеродность» ослабевает. Чужой-Другой в постиндустриальном обществе имеет все больше шансов стать просто Другим (Other). Благодаря процессам и процедурам децентрации, явившимся одним из наиболее ярких проявлений постмодернизма, инаковость, можно сказать, поощряется, Другой приветствуется. В целом постиндустриальное общество, окрашенное постмодернистской культурой, по самому своему характеру весьма инклюзивно.

Подытоживая анализ данного аспекта, отметим, что «Чужой» представляется нам понятием и образом более социально нагруженным (здесь выход на социальный конфликт, социальное противодействие), «Другой» – более культурно нагруженным (в основе культурные или культурализованные различия). Потому быть Чужим более весомое основание для социальной эксклюзии. Другой же, оставаясь или представляясь культурно другим, в большей степени способен стать социально своим, частью «своей» социальной системы, «своего» общества.

Адаптация культурная

Что касается второго из заявленных аспектов инклюзивной/эксклюзивной проблематики, продуктивной

видится интерпретация понятий и феноменов инклюзии и эксклюзии с позиций аксиологического подхода через призму понятий и процессов оценивания человека, приписывания ему ценностной значимости и обесценивания его. Поэтому при анализе инклюзивных и эксклюзивных практик и комплексов идей, существующих в обществе, имеет смысл обращать внимание на вычленение социокультурных оснований ценности/обесценивания человека как на важную исследовательскую задачу. И инклюзия в этом контексте предстает в качестве «феномена, определяющего новый тип мышления современного человека, сдерживающего его обесценивание» [1. С. 27].

Обесценивание человека по каким-либо социокультурным (а также культурализованным биологическим) основаниям, по сути, архаизм, пережиток прежних эпох, атрибут несовременных типов сознания (как индивидуального, так и коллективного). И основания обесценивания могут избираться самые различные, они, можно сказать, вторичны. Первична психологическая потребность обесценивания тех или иных групп и индивидов (из-за страха, потребности самоутверждения и др.).

Наконец, в-третьих, проблему социокультурной инклюзии/эксклюзии, на наш взгляд, необходимо изучать и через призму проблемы адаптации так называемого большинства, «включающих», «принимающих» обществ к поликультурной среде. По сути, речь идет об адаптации индивидов и их групп к гетерогенной и в то же время единой «семиосфере» всего человечества. А с позиций современного онтологического поворота и к более широко понимаемому семиотическому единству мира людей и мира природы.

Мы имеем в виду расширение исследовательского фокуса в изучении мигрантов (а также других групп меньшинств), который преимущественно сосредоточен на адаптации к инокультурной среде. Полагаем, что не менее необходимым является акцент на адаптации к поликультурности среды. Именно степень адаптированности «большинства» к поликультурности, полисемиотичности современных социокультурных сред является одним из наиболее весомых факторов выбора между стратегиями инклюзии и эксклюзии, а также определения их сущности.

В основе такой адаптированности лежит то, что социолог А. Эль-Мафаалани назвал «внутренней открытостью» («расширение границ участия разных групп») по аналогии с «внешней открытостью» (глобализацией) [5. С. 13]. Точнее, речь идет о формировании готовности к «внутренней открытости» как основании процесса адаптации и сформированности этой готовности как показателя, критерия адаптации.

Трактуя адаптацию не просто как процесс приспособления, привыкания, подстраивания, а более глубоко, через призму адаптивно-адаптирующих механизмов, которые связаны с так называемой повседневной креативностью, мы видим адаптацию «большинства» к поликультурности не как позицию вынужденной терпимости по отношению к меньшинствам, а как формирование нового типа мышления для всех, включающего, а не терпящего, творчески создающего новые смыслы и ценности, а не привыкающего к неизбежному.

Только второй путь, основанный на глубоком понимании процессов адаптации, на наш взгляд, является путем построения включающего общества, когда включение осуществляется по убеждению, а не по принуждению. Смена же убеждений зачастую является довольно болезненной и нелегкой процедурой, потому путь инклюзии — это путь, наполненный всевозможными конфликтами: от конфликтов внутри сознания отдельных индивидов, внутриличностных конфликтов, до конфликтов межгрупповых.

С позиций культурной антропологии и культурологии любая культура одновременно «практикует» инклюзию и эксклюзию, включение и исключение. Но общество, не сращенное лишь с одной определенной культурой в сознании своих представителей, поликультурное по своей сути, имеет гораздо более весомый инклюзивный, включающий потенциал.

Важным качеством адаптированного к поликультурности, внутренне открытого общества является, на наш взгляд, развитое «воображение». Парадигма воображения активно используется социальными и гуманитарными науками с конца прошлого столетия для объяснения механизмов взаимодействия человека и групп с окружающим миром и друг с другом. С одной стороны, воображение есть психологическая данность, такая же, как интеллект или воля. С другой стороны, степень его развития может быть столь же различной.

Литература

1. Астафьева О.Н., Судакова Н.Е. Культурные императивы в век глобализации: инклюзия в перспективе культурной политики БРИКС // Век глобализации. 2019. № 4. С. 26–39.
2. Дубоссарская М.Л. «Свой», «Чужой», «Другой» в столкновении культур: на материале перуанских хроник XVI в. Автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2012.
3. Игнатъев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 216 с.
4. Поletaeva M.A. Эволюция представлений о «чужом» // Культура культуры. 2020. № 2. URL: <http://www.cult-cult.ru/evolution-of-ideas-about-the-alien/> (дата обращения: 05.06.2020).
5. Эль-Мафаалани А. Парадокс интеграции. Почему успешная адаптация мигрантов приводит к новым конфликтам. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 216 с.

Воображение — важный ресурс саморазвития и выстраивания отношений в обществе. Речь не идет о воображении Другого как о «придумывании», об искусственном создании образа изнутри самого себя, а о более развитой его форме — о воображении как о способности выйти за пределы собственного опыта, ослабить неразрываемые оковы эгоцентрического восприятия. Такого рода воображение включает то моральное воображение, о котором пишет историк М. Игнатъев: «Без морального воображения, позволяющего чувствовать боль других как свою собственную, невозможна никакая солидарность, заслуживающая этого имени» [3. С. 198].

Итак, отметим в **заключение**, речь идет о привитии культуры социальной инклюзии в условиях культурно разнородного общества. Несколько отошедшее в тень понятие субкультуры оказывается здесь весьма уместным.

Инклюзивное общество — общество, наполненное множеством субкультурных образований (если мы понимаем культуру в антропологическом ключе как содержание общественной жизни), в то же время способное сформировать метакультуру, культуру совместной социальной жизни, где каждый член общества имеет возможность быть вписанным в общую социальную конфигурацию на правах достойного соучастия. Инклюзивное общество подразумевает наличие культур (представленных множественностью миров Других) и культуры (где все Другие часть Своего мира).

Фигура Чужого связана со страхом, а потому естественным, защитным образом связана со стратегией эксклюзии, вытеснения (физического, социального, информационного и др.). Фигура Другого связана с вызовом, который порождает более многообразные реакции и копинг-стратегии от того же страха до интеллектуального интереса. Здесь при условии выбора обществом и отдельными индивидами соответствующей стратегии реагирования и преодоления становится возможной инклюзия.

References

1. Astafyeva, O.N., Sudakova, N.E. Cultural imperatives in the era of globalization: inclusion in the cultural policy of BRICS countries. *Age of Globalization*. 2019. No. 4. P. 26–39.
2. Dubossarskaya, M.L. "Familiar", "Alien", "Different" in cultural collision: on the material of the Peruvian chronicles of the XVI century. *Abstr. diss. ... cand. of culturology: 24.00.01*. Moscow, 2012.
3. Ignatiev, M. Human Rights as Politics and Idolatry. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2019. 216 p.
4. Poletaeva, M.A. The evolution of ideas about the "alien". *Culture of Cultures*. 2020. No. 2. URL: <http://www.cult-cult.ru/evolution-of-ideas-about-the-alien/> (accessed on: 05.06.2020).
5. El-Mafaalani, A. Paradox of history. Why successful adaptation of migrants leads to new conflicts. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 2020. 216 p.